

# ВСТУПЛЕНИЕ, ГДЕ Я ОБЪЯСНЯЮ ФАБУЛУ ПРОИСХОДЯЩЕГО

Мне было девять лет. Из окна бабушкиного деревянного дома, который сейчас в моих воспоминаниях похож на калейдоскоп морщинистых рук в сероватой муке, неказистых кактусов, жуков, живущих под половицей, пузатых банок с булькающими помидорами, улыбок многочисленных родственников, чьи лица и имена я давно позабыла, был виден лес.

Я очень любила этот дом, и он отвечал мне взаимностью, приоткрывая тайны домашней библиотеки, где было так много книг, и каждая была интересна мне, девятилетнему ребенку.

Тогда я жила в этом домике на окраине леса каждое лето, и каждое лето дарило мне что-то новое: будь то осознание, что ходить среди чащ и болот одной не совсем благоразумно, или же понимание того, как часто что-то важное человек узнает от случайной книги, странного происшествия, а порой того и другого вместе.

Увы, но не существует на свете школьного предмета, который точно расскажет тебе, что на свете важно, а что не очень, почему в мире так много песен про любовь, но мало про серых влажноглазых лошадей, почему сегод-

ня тебе грустно как никогда, а завтра ты будешь считать себя самым счастливым человеком на свете, отчего у тебя на завтрак есть каша и булка с чаем, а у других детей только вечное чувство голода. Все это можно лишь почувствовать, осознать благодаря хорошей книжке, помощи ближнему, мудрым словам учителя... Это все не входит в систему, не поддается чередованию и мо-

жет настигнуть тебя даже на уроке алгебры. И все это кажется таким же сумбурным и интересным, как книжная полка в доме у моей бабушки. Поэтому все мои короткие истории, которые здесь описаны, совершенно не связаны друг с другом, но вместе они — синтез случая и прочитанной литературы. Вместе они что-то да значат, такой вот парадокс.

## ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Я стояла на клиросе и слушала, как откуда-то из сердца хора доносятся чудные молитвы, сама же я пела плохо, но очень умело это скрывала. Для меня это была особенная служба, ведь впервые за много лет мне удалось уговорить маму пойти на всенощное пасхальное богослужение. И вот я стою в полумраке храма, смотрю на горящие свечи, прислушиваюсь к тишине и вспоминаю, как каждый год на Пасху лежала в своей кровати и плакала от того, что, когда воскреснет Христос, я об этом не узнаю, а потом сама же себя упрекала, говоря, что в такой праздник плакать нельзя. Одним словом, мне было не до сна, а когда лежать становилось совсем невозможно, я бежала к окну и распахивала его как можно сильнее.

Каждая такая ночь была похожа на раннее утро, на небе неясными очертаниями горели белые звезды, а легкий ветерок щекотал мне нос. Было так беззвучно, что я слышала накаляющуюся в воздухе тишину, и когда она доходила до предела, то неизвестно откуда раздавался радостный колокольный звон, который своим «динь-ди-ри-дон» разгонял ночь, и я начинала очень неумело петь пасхальный тропарь. И этих глупых слез на моем лице уже не было видно, а вместо всепоглощающей жалости к себе я чувствовала небывалый покой.

Но вот я в храме, и из алтаря уже выносят хоругви. Все спешат к выходу, оставляя одиноко догорать свечи. После крестного хода, где даже я осмеливаюсь петь во все горло, люди снова возвращаются в храм и целуют друг друга, обнимают, и только и слышишь кругом, как эхо от эха «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!». В это время я, от кончиков пальцев до самой макушки, — вся радость и счастье, и когда оглядываюсь по сторонам, то вижу многочисленные улыбки.

## ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

— «Если нет на Земле надежды, то все прах...» — Зинаида Гиппиус написала, стихотворение «Христу» называется, прочти...

Был урок английского, и прежде чем мой собеседник ответил на этот трагический полусшепот, мы услышали следующее:

Мне вдруг становится интересно, а улыбался ли Спаситель мира, радовался ли, был ли хоть раз весел? Ведь Священное Писание повествует нам, что Сыну Божьему было свойственно все людское, кроме греха. Как часто в молитвах звучит «Радуйся!». Если и улыбался Христос, то, пожалуй, это было похоже на самую весну, на что-то очень светлое и искрящееся, на горную реку, которая переливается под лучами рыжего солнца, словно алмаз.

Может, мы представляем Бога серьезным и хмурым только потому, что совершенно не даем Отцу Небесному повода для радости. Наверное, прав был Дмитрий Мережковский в своем стихотворении ««Христос Воскрес» — поют во храме...», когда писал:

Пусть на земле не будет, братья?  
Ни властелинов, ни рабов,  
Умолкнут стоны и проклятья  
И стук мечей, и звон оков, —  
О лишь тогда, как гимн свободы,  
Пусть загремит: «Христос воскрес».  
И нам ответят все народы:  
«Христос воистину воскрес!»

Но пасхальная литургия почти подходит к концу, и на улице, как будто стесняясь, восходит солнце. Всю оставшуюся службу я только и молилась, неумело, по-детски, сбиваясь и путаясь, но стараясь изо всех сил, молилась о Божьей радости за нас, все повторяя эти последние строки стихотворения Дмитрия Мережковского.

— Коля! Это не Past Simple! Ты ничего не учишь, Коля! Если ты не объяснишь следующее предложение, я влеплю тебе двойку!

По какому-то странному стечению обстоятельств уроки выучили только два человека — моя соседка по парте Соня и я. И теперь на другом конце класса сидел

полуживой Коля, безрезультатно пытающийся различить времена в предложении. Я подумала, что если бы рисовала картину по мотивам этого урока, назвала бы ее «Апофеоз лени», мне стало стыдно за Колю, и я отвернулась своим постным лицом к моей подруге и сказала первое, что пришло в голову, процитировала стихотворение.

Она оценивающе глянула на меня и с жутко умным видом, не предвещающим ничего хорошего, произнесла:

— У тебя экзистенциальный кризис.

— Все, Коля! Два!

— Глупости, мне всего шестнадцать...

— А можно исправить, Анна Владимировна?

— Ну, так самое время...

— Поздно!

Ответ Сони мне пришлось переспрашивать. Когда «экзакуция» над Николаем прекратилась, мы все-таки пришли к выводу, что никакого кризиса у меня нет. Тем временем очередь отвечать дошла до следующего человека, а в это время мы с Соней единогласно решили, что в нашем мире Кого-то явно не хватает...

Но вот уроки закончились, и я пришла домой, но мысль о человеческой неполноценности не давала мне покоя. За ответом на мучивший меня вопрос я обратилась к Евангелию, а именно к самому напряженному моменту — Распятию Иисуса Христа. Читая, я обратила внимание на слова, которые произнес Сын Человеческий на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»

Святые Отцы пишут, что в этот момент Господь говорил от лица всего человечества. Человечества по-

кинутого, одинокого, беспомощного, похожего на ребенка, потерявшегося в супермаркете, которому все окружающее непонятно и все пугает, и единственное, чего он хочет, — вернуться обратно к своему Отцу. Но как только ребенок начнет свой путь, он обязательно станет отвлекаться на цветные витрины с игрушками и блестящими фантиками конфет, рискуя заблудиться еще больше.

Когда я думаю об этом, мне на ум приходит поразившее меня когда-то произведение Константина Бальмонта «Звезда пустыни».

О, Господи, молю Тебя, приди!  
Уж тридцать лет в пустыне я блуждаю,  
Уж тридцать лет ношу огонь в груди,  
Уж тридцать лет Тебя я ожидаю.  
О, Господи, молю Тебя, приди!  
Мне разум говорит, что нет Тебя,  
Но слепо я безумным сердцем верю,  
И падаю, и мучаюсь, любя.  
Ты видишь, я душой не лицемерю,  
Хоть разум мне кричит, что нет Тебя!..

Это чувство неясного одиночества, чувство, что все вокруг бессмысленно, хоть раз в жизни посещало каждого человека. Как бы наивно это ни звучало, но мне думается, что людям очень не хватает Бога. И если кто-то скажет, что Его нет, я не буду вдаваться в споры, а спрошу лишь: «Тогда откуда в нашем несовершенном мире мы узнали об Идеале и почему так отчаянно к нему стремимся?»

## **«ПУСТЬ БЕРУТ МЕНЯ ЗЛЫЕ РУКИ, ТОЛЬКО НАУЧИ, ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ»**

Люблю рисовать. Черточка неровная, можно стереть и нарисовать новую, прямее, если и она не получилась, постараться заново. А вдруг след останется? Не беда, нарисую что-то поверх. Учительница вообще говорит, что «стеркой можно рисовать».

«Рисование как наша жизнь, — думаю я, пока мои глаза и правая рука работают над натюрмортом. — А люди только и делают, что рисуют стеркой, подтирают свои ошибки и чертят свои новые поступки». В этом деле главное не отчаиваться, ведь любую картину можно исправить, как и любую жизнь.

Самым ярким примером надежды, причем надежды, по меркам современного человека какой-то безумной, непонятной простым обывателям, может

служить история о покающемся на кресте разбойнике. Когда, казалось бы, уже нет другого выхода, как, страдая, распрощаться со своей плохо прожитой жизнью.

Что касается моего мнения, я стараюсь искренне верить, что любой конец — это новое начало, а поэтому не стоит опускать руки даже в самых безвыходных ситуациях. Относительно недавно, в 2004 году, скончался поэт Сергей Аверинцев, чей «Стих о Благоразумном разбойнике» при каждом прочтении восхищает меня своей глубиной. Произведение написано белым стихом, и эта безрифменность удивительным образом приводит к простоте и возвышенности слов. При каждом прочтении меня будто бы переносит в те далекие времена, где разбойник, возможно, вспоминает «песнь песней соломоновых», и всеми силами,

израненный, в крови и поту, в предсмертной агонии, стремится к покаянию, и для этого он пронзающим сердце голосом просит «вразумить, что будет после».

Эти слова исходят из глубины души, которая только на кресте смогла взять вверх над грешной плотью:

...ибо любовь крепче смерти —  
пусть удары проникают в недра,  
только вразуми, что будет после —  
и ревность глубже преисподней  
пусть в муке мешается разум,  
только не забыть, что будет после —  
положи меня, как печать на сердце...

## **ЭПИЛОГ, ГДЕ Я ЧИТАЮ СТИХИ ВИНОГРАДУ**

На часах почти полночь, и капилляры в моих глазах лопаются чуть ли не с треском. Мой стол заставлен разнообразными книжками, в основном маленькими библиотечными томиками поэзии, не люблю отдавать книги обратно, всегда кажется, что я расстанусь со своими друзьями. Еще я отчего-то улыбаюсь, и мой кот, сверкая глазами, смотрит с укоризной. Ну и пусть.

Смотрю на написанное и думаю: «Кажется, что просто слова, а на самом деле — часть меня». Уж не знаю, что меня ждет в будущем, но мне приятно оглядываться назад и понимать, что за прожитое мной время я успела

много узнать и многое почувствовать. Приятно смотреть назад и сравнивать мои старые работы и, улыбаясь, замечать, что в этот раз намного лучше. Люблю соревноваться с прошлой собой. Но одно из моих главных пониманий за мою короткую жизнь заключается в ценности книг и знаний, помогающих за отведенное на Земле время понять и осознать самое главное. И пусть будущее скрыто от меня занавесом, я надеюсь и верю, что в моей жизни всегда будет место Богу, хорошим книжкам и слушающим, как я читаю стихи, гроздьям винограда.

г. Кисловодск, Ставропольский край

